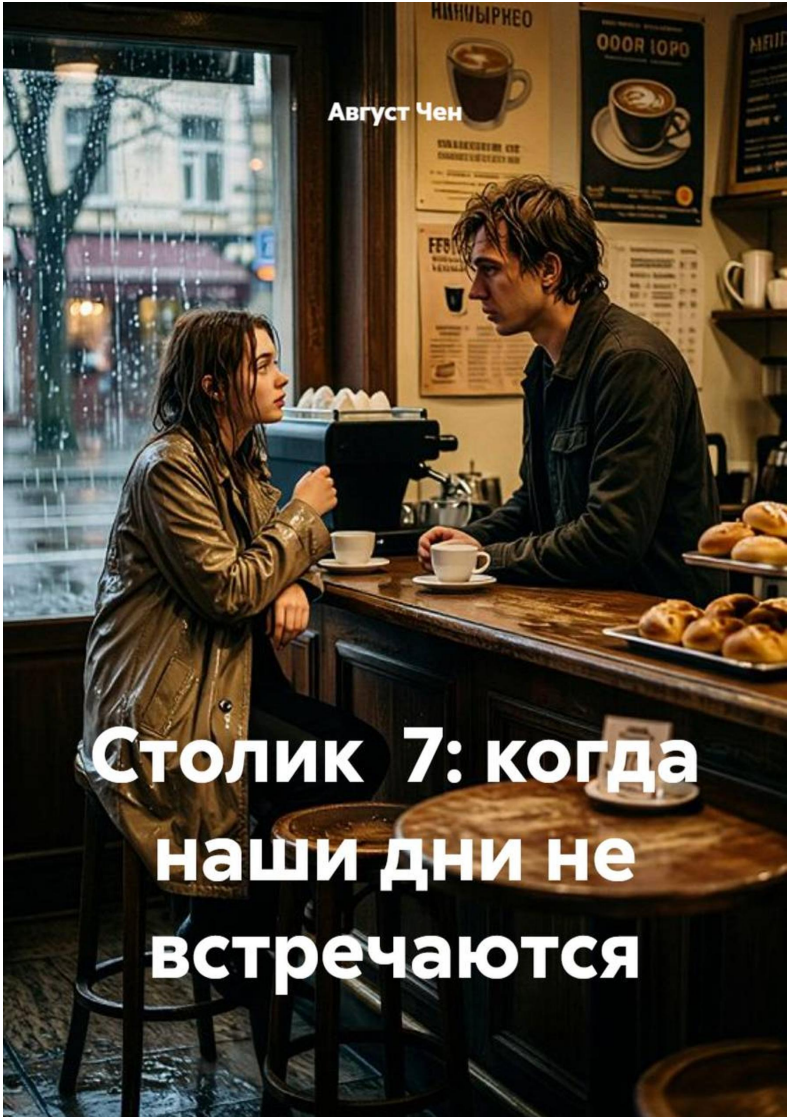

Август Чен
Столик 7: когда наши дни не встречаются

Август Чен

Столик 7: когда наши дни не встречаются

https://litres.ru/74909624
SelfPub; 2026

Аннотация

Ася всю жизнь жила по чужому расписанию — по плану отца, издателя, которые давно решили за неё. Однажды она забегает от дождя в маленькую кофейню «Чашка» и садится за столик 7. Там её встречает Марк — парень, который помнит её в пятницу, где её не было. Дырочка на шарфе, пролитый капучино, фраза «Ну вот, опять» — он знает о ней то, что знать не может.

Так начинаются дни, которые не совпадают: время сдвигается, часы в кофейне показывают разное, а город то и дело подмигивает неуловимыми деталями. Чтобы не потеряться между «правильной» жизнью и своей собственной, Ася учится останавливаться и слушать — стук пузырьков в аптеке, шаги на набережной, шорох тряпки по стойке. Из этих звуков она собирает нечто большее: свой голос и смелость сказать отцу честное «я пока не готова».

Тихий и тёплый роман о встрече двух людей, чьи дни сдвинулись друг относительно друга, о любви, которой не нужны

громкие слова, и о том, что иногда достаточно остановиться и услышать — город, другого человека и себя.

Содержание

Глава 1. «Без зонта» 5
Глава 2. «Один и тот же понедельник» 10
Глава 3. «Что остаётся, когда расходятся дни» 17
Глава 4. «Когда прошлое тянет дни в разные стороны» 22
Глава 5. «Песня падающего листа» 28
Глава 6. «Латте по особому рецепту» 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Август Чен
Столик 7: когда наши дни не встречаются

Глава 1. «Без зонта»

Ася не любила дождь. Но сегодня он был почти приятным: косым, незлым, будто город просто вздыхал. Она забежала в «Чашку» на углу, тряхнула зонтом у двери, и капли рассыпались по кафельному полу мелкими жемчужинами. Внутри пахло корицей, горячим молоком и чем-то ещё — старым деревом и тишиной, которая бывает только в маленьких кофейнях, где никто не торопится.

Столиков было немного: три у окна, два у стены, один в углу. Почти все заняты. Ася скользнула взглядом по лицам — никто не смотрел на неё, все были заняты своими днями, своими разговорами, своими срочными делами. И только один столик у самого окна оставался свободным. Столик № 7.

Она села, сняла мокрый шарф, положила его на спинку стула. Пальцы чуть дрожали от холода, и она спрятала их в рукава. Официантка ещё не подошла, но Ася уже знала, что закажет латте — горячий, с плотной пенкой, чтобы согреться

изнутри.

И тут она заметила его.

Парень у окна смотрел на улицу так, будто пытался запомнить каждую каплю. На столе перед ним стоял стакан с остывшим латте и лежала раскрытая тетрадь, страницы которой были исчерканы формулами и короткими фразами. Он не писал, просто водил пальцем по строчкам, будто читал на ощупь.

Ася отвернулась, чтобы не пялиться, но взгляд сам возвращался к нему. Что-то в его позе было странно знакомым, как будто она уже видела эту сцену — не в жизни, а во сне, где всё чуть-чуть не совпадает.

Он поднял глаза. И улыбнулся. Не широкой, дежурной улыбкой, а такой, будто они уже знакомы.

— Ты здесь часто бываешь? — спросил он, будто продолжая прерванный разговор.

Ася пожала плечами, стараясь не выдать, как странно ей от этого вопроса.

— Сегодня первый раз, — ответила она спокойно. — Вообще в этом районе редко бываю.

Он чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к чему-то за ними.

— Странно, — сказал он, и в голосе не было насмешки, только искреннее недоумение. — Мне казалось, я тебя уже видел.

Ася хотела сказать, что это обычное дело — лица мелька-

ют, сливаются, кажутся знакомыми, а потом растворяются в толпе. Но он опередил её:

— В прошлую пятницу. Ты сидела на этом же месте, только без зонта. И пила капучино.

Внутри что-то дрогнуло. Прошлая пятница. Вокзал, дождь, билет на электричку, сумка, которая всё время сползала с плеча. Она точно помнила: в тот день она была в другом городе. Не здесь. Не в этой кофейне.

— Наверное, ты меня с кем-то путаешь, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он покачал головой, не споря, а скорее убеждаясь в чём-то своём.

— Нет, — тихо сказал он. — У тебя на шарфе была маленькая дырочка, вот здесь, — он показал на край воротника, будто видел этот шарф насквозь. — Прямо над пуговицей.

Ася опустила взгляд. Дырочка была. Крошечная, едва заметная. Она заметила её только сегодня утром, когда собиралась, и подумала, что надо бы зашить, но времени не хватило.

— Это… — начала она и замолчала, потому что не знала, как закончить. «Это невозможно»? «Ты не мог меня видеть»? «Я была в другом месте»? Все эти фразы звучали либо глупо, либо отчаянно.

— Я не пытаюсь тебя напугать, — сказал он спокойно, будто прочитал её мысли. — Просто… иногда дни бывают

не такими, какими должны быть.

Ася сжала пальцы в кулаки под столом. Ей хотелось, чтобы это оказалось шуткой. Или ошибкой. Или сном, из которого она вот-вот проснётся. Но шарф был мокрым, капли стучали по стеклу, а парень напротив смотрел на неё так, будто ждал, что она поверит.

— А ты? — спросила она, сама не зная, зачем. — Где ты был в прошлую пятницу?

Он на секунду замер, будто искал нужную строчку в своей тетради.

— Здесь, — просто ответил он. — Сидел на этом месте. Смотрел на дождь. И видел тебя.

В этот момент к столику подошла хозяйка — невысокая женщина с внимательными глазами и седыми прядями, выбившимися из аккуратного пучка.

— Что будете? — спросила она спокойно, будто не замечала ни напряжения, ни дождя, ни того, что мир только что чуть-чуть сдвинулся.

— Латте, пожалуйста, — сказала Ася, не глядя на меню.

— И мне ещё один, — добавил парень, не сводя глаз с Аси.

Хозяйка кивнула, записала заказ в маленький блокнот и ушла, оставив после себя тишину, в которой теперь звенело слишком много вопросов.

— Как тебя зовут? — спросил парень, будто решил начать с самого простого.

— Ася, — ответила она.

— Марк, — кивнул он. — И знаешь… я не сумасшедший.

Ася почти улыбнулась. Почти.

— Пока не похоже, — сказала она. — Но день только начался.

Марк усмехнулся, и напряжение чуть отступило, как вода, уходящая сквозь щели в полу.

— Ладно, — сказал он. — Давай пока без чудес. Просто посидим. Попьём кофе. А если окажется, что я всё-таки сумасшедший — ты скажешь.

— Договорились, — кивнула Ася. — Но если окажется, что это я что-то не так вижу — ты тоже скажи.

Они замолчали, и тишина между ними стала чуть мягче. Дождь стучал по стеклу, пар поднимался над чашками, которые хозяйка поставила на стол почти бесшумно. Две порции латте, два блюдца, две ложки.

А Ася всё смотрела на дырочку на шарфе и думала, что иногда самое странное прячется в самых обычных вещах.

Глава 2. «Один и тот же понедельник»

На следующий день Ася проснулась с ощущением, будто вчерашний вечер был не совсем настоящим. Слишком много странного: парень, который видел её там, где её не было, дырочка на шарфе, хозяйка кофейни, будто знавшая, что они оба придут. Ася даже потянулась к шарфу, лежавшему на спинке стула, — проверила. Дырочка была. Крошечная, как игольный укол, но вполне реальная.

«Это просто совпадение, — сказала она себе вслух, чтобы голос прозвучал твёрже. — Он увидел похожую девушку. Или перепутал дни. Или… да мало ли что».

Но мысль о том, чтобы снова пойти в «Чашку», не уходила. Не из-за Марка — так она себе говорила. Просто район удобный, и кофе там был хороший. И вообще, если она не пойдёт, это будет выглядеть так, будто она испугалась. А Ася не любила, когда ей казалось, что она чего-то боится.

Дождь кончился, но город ещё пах мокрой листвой и асфальтом. Ася шла по тротуару, стараясь не смотреть на витрины, чтобы не замечать своё отражение — слишком уж оно было напряжённым. И всё же, когда впереди показалась вывеска «Чашка», шаг сам собой чуть замедлился.

Внутри было тихо. Будто кофейня ещё не проснулась до

конца: стулья стояли на столах, пол блестел после уборки, а Марина Тарасовна протирала стойку медленными, уверенными движениями. Увидев Асю, она чуть кивнула — не как знакомая, но и не как чужая.

— Снова к нам? — спросила спокойно, без любопытства. — Или просто мимо?

— Просто… — начала Ася и осеклась. — Нет. Я хотела бы сесть у окна. Если можно.

Марина чуть приподняла бровь, будто отметила про себя эту оговорку.

— Столик № 7 свободен. Но пока без кофе: бариста ещё не пришёл. Могу предложить чай. Или воду.

Ася хотела отказаться, но вдруг поняла, что ей хочется просто посидеть там, где всё началось.

— Чай, пожалуйста. Любой.

Она села за столик, чувствуя, как привычная логика начинает трещать по швам. «Я здесь, чтобы проверить, — подумала она. — Просто проверить. Если он не придёт — значит, вчера было случайностью. Если придёт — тогда…»

Тогда что?

Она не успела додумать. Дверь звякнула, и вошёл Марк. В той же куртке, с тем же слегка растерянным видом, будто он тоже не до конца понимал, зачем сюда пришёл. Он замер на пороге, увидел Асю — и на лице проступило облегчение, смешанное с удивлением.

— Ты пришла, — сказал он, как будто это было важнее

всего на свете.

— Я… проверяю, — ответила Ася, стараясь звучать сухо. — Вчера ты говорил про прошлую пятницу. Хочу сверить показания.

Марк улыбнулся — не насмешливо, а как будто обрадовался, что она не делает вид, будто ничего не было.

— Значит, будем вести протокол, — он достал из рюкзака ту самую тетрадь, раскрыл на чистой странице и положил между ними. — Дата: понедельник. Время: примерно 11:45. Показания свидетеля Аси: «Меня здесь не было в пятницу». Показания свидетеля Марка: «Я видел Асю в пятницу, без зонта, с капучино».

Ася не смогла сдержать усмешку.

— Ты серьёзно ведёшь протокол?

— Серьёзнее некуда, — кивнул он. — Потому что если мы не запишем, то потом оба будем думать, что нам показалось.

Марина принесла чай — в простых керамических чашках, без узоров, но тёплых, будто их специально грели для этого разговора.

— Сахар? — спросила она, ставя чашки.

— Без, — одновременно ответили Ася и Марк. И снова переглянулись.

— Это ничего не значит, — быстро сказала Ася. — Люди часто не любят сахар.

— Конечно, — спокойно согласился Марк. — Но давай всё равно запишем: «Совпадение № 1: оба не любят сахар».

Ася покачала головой, но взяла ручку.

— Ладно. Но только потому, что это смешно.

Они начали с простого: что каждый из них делал в прошлую пятницу. Ася рассказывала про вокзал, про электричку, про то, как сумка сползала с плеча и как она опоздала на пять минут. Марк кивал, будто слышал эту историю раньше, но не перебивал.

Потом заговорил он:

— В пятницу я пришёл сюда около трёх. Сел за этот столик. Заказал двойной эспрессо. Потом достал тетрадь — хотел набросать пару идей для звукового дизайна, а вместо этого начал записывать всякую ерунду. И тут вошла девушка. Без зонта. В мокром шарфе. Пила капучино. Смотрела в окно, будто ждала кого-то.

Он замолчал, будто сам услышал, насколько это звучит странно.

— И ты уверен, что это была я? — тихо спросила Ася.

— Уверен, — просто сказал он. — Не знаю, как это возможно. Но уверен.

Ася открыла рот, чтобы снова сказать «это совпадение», но слова застряли. Потому что в его голосе не было ни хвастовства, ни желания её напугать. Только честность. И растерянность.

— Давай проверим что-то, что нельзя подделать, — предложила она. — Что-то, что точно было только у меня.

Марк задумался.

— У тебя на шарфе была дырочка. Над пуговицей.

— Это не считается, — возразила Ася. — Ты уже говорил про неё вчера.

— Тогда… — он нахмурился, вспоминая. — Ты поставила чашку на край стола, и она чуть не упала. Ты поймала её левой рукой. И сказала: «Ну вот, опять».

Ася замерла. Она действительно чуть не уронила чашку в пятницу. На вокзале. Когда торопилась к платформе. И действительно сказала «Ну вот, опять» — потому что это случалось уже не в первый раз.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Не знаю, — честно ответил Марк. — Просто помню. Как будто это было со мной.

В этот момент Марина подошла к их столику — не спеша, но будто почувствовав, что сейчас нужно что-то сказать.

— Иногда дни бывают… не совсем одинаковыми, — произнесла она тихо, глядя не на них, а куда-то в сторону, будто разговаривала не с ними, а с самой кофейней. — Один день может быть чуть длиннее, другой — чуть короче. И в этих лишних минутах иногда встречаются люди, которые в остальном никак не должны были встретиться.

Ася посмотрела на неё, ожидая продолжения. Но Марина только поправила чашку, будто поставила точку, и отошла.

— Она что, знает? — шёпотом спросила Ася, когда хозяйка оказалась вне пределов слышимости.

— Думаю, знает, — кивнул Марк. — Но не расскажет. По

крайней мере, не прямо.

Ася закрыла тетрадь. Пальцы чуть дрожали, но она старалась не показывать этого.

— Ладно, — сказала она, стараясь вернуть себе контроль над ситуацией. — Если мы не можем объяснить, давай хотя бы фиксировать. Будем записывать всё, что не совпадает. Даты, детали, погоду, что угодно. Может, найдём закономерность.

Марк посмотрел на неё с уважением.

— Ты умеешь превращать странное в задачу, — сказал он. — Мне это нравится.

— Это не комплимент, — буркнула Ася, но в голосе не было злости. — Это способ не сойти с ума.

— Согласен, — он снова открыл тетрадь и написал: «Список несовпадений. № 1: пятница. Вокзал vs кофейня. № 2: чашка. Левая рука. Фраза: „Ну вот, опять“».

Ася достала телефон и открыла заметки.

— Я тоже буду писать. Отдельно. Чтобы потом сравнить.

— Двойная проверка, — улыбнулся Марк. — Так надёжнее.

Они просидели в «Чашке» ещё почти два часа. Говорили не только о пятнице — о городе, о звуках, о том, как по-разному можно слышать один и тот же дождь. Ася ловила себя на мысли, что ей спокойно рядом с этим парнем, который помнит её там, где её не было. И это спокойствие было почти таким же странным, как сама загадка.

Когда они вышли на улицу, солнце уже пробивалось сквозь тучи, и асфальт блестел, как мокрая чёрная бумага.

— Завтра снова сюда? — спросил Марк, застёгивая куртку.

Ася хотела сказать «не знаю», но вместо этого кивнула.

— Да. Принесу свой список. И, может быть, ещё одну чашку чая.

— Отлично, — сказал Марк. — А я принесу ещё одну страницу для тетради.

И они разошлись в разные стороны, но Ася ещё долго чувствовала, как этот день — один и тот же для них обоих — тянется чуть дольше, чем положено.

Глава 3. «Что остаётся, когда расходятся дни»

На третий день дождь вернулся — не косой и уютный, как в первый раз, а тяжёлый, будто город устал и теперь просто плакал. Ася шла к «Чашке», и с каждым шагом ей становилось всё яснее: сегодня она не будет притворяться, что её интересует только «список несовпадений». Она хотела рассказать Марку то, о чём почти никому не говорила.

Марк уже сидел за столиком № 7. Тетрадь лежала перед ним, но он не писал — смотрел в окно, будто слушал, как стучит дождь по подоконнику. Когда Ася вошла, он поднял глаза, и на лице мелькнуло то самое облегчение, которое ей становилось приятно узнавать.

— Ты пришла, — сказал он просто, без шуток про протокол и без записей. — Я думал, ты скажешь: «Всё, хватит, это слишком странно».

Ася стянула мокрый шарф, села напротив и вдруг почувствовала, как сильно ей хочется, чтобы он не смотрел на неё как на загадку, которую нужно разгадать.

— Я хотела, — призналась она, глядя на пар, поднимающийся от чашки, которую Марина молча поставила перед ней. — Вчера вечером я сидела дома и думала: «Это бред. Надо жить нормально». Но потом поняла, что «нормально»

— это как раз сидеть и делать вид, что ничего не происходит. А я не хочу.

Марк не стал кивать с умным видом и не полез за ручкой. Он просто пододвинул ей сахарницу — и тут же отдёрнул руку, будто вспомнил, что Ася не любит сахар.

— Прости. Забыл.

— Ничего, — улыбнулась она чуть криво. — Иногда приятно, когда кто-то забывает, что ты не любишь сахар. Будто ты для него обычный человек.

Он наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что стояло за ними.

— Расскажи, — тихо сказал он. — Если хочешь. Не про пятницу и не про дырочку на шарфе. Про что-то своё.

Ася сжала пальцы вокруг тёплой чашки. Ей казалось, что если она начнёт, то слова польются слишком быстро и она не сможет их остановить. Но она всё равно начала.

— Мой отец — главный редактор издательства, — сказала она, будто это было самым важным. — И с детства мне говорили: «Ты будешь продолжать дело. Это твоё будущее». Я училась, читала, писала рецензии, старалась быть идеальной. А потом поняла, что не хочу быть «продолжением». Хочу быть просто Асей. Которая иногда проливает кофе и опаздывает на электричку.

Она замолчала, ожидая, что Марк скажет что-нибудь вроде «ну, это нормально, все бунтуют против родителей» — и тогда она бы закрыла тему. Но он не сказал.

— А что случилось в тот день, когда ты уехала? — спросил он спокойно. — В тот самый, когда была на вокзале.

Ася посмотрела на него. В его глазах не было ни осуждения, ни желания её пожалеть. Просто интерес. Как будто он хотел услышать её историю, потому что она была важна.

— Он поставил ультиматум, — выдохнула она. — Либо я беру проект, который мне не нравится, либо… я больше не часть семьи. Ну, не буквально, конечно. Но звучало именно так. Я собрала сумку, взяла билет на первую электричку и уехала. И с тех пор мы почти не разговариваем.

Марк помолчал, потом тихо произнёс:

— Знаешь, я понимаю, каково это — когда тебе говорят: «Ты должен быть таким-то». У меня бабушка держала часовую мастерскую. И каждый раз, когда я приходил, она смотрела на меня и вздыхала: «Часы любят терпение. А ты торопишься». Я хотел заниматься звуком, записывать музыку, делать саунд-дизайн — а она всё время подсовывала мне старые часы и говорила: «Научись сначала слышать тишину».

— И ты научился? — спросила Ася, чуть наклоняясь вперёд.

— Научился, — кивнул он. — Но не так, как она хотела. Я понял, что тишина — это не отсутствие звука. Это тоже звук. Просто очень тихий. И его надо уметь слушать.

Они помолчали, и в этой тишине дождь за окном стал не врагом, а союзником — он заполнял паузы, не давая им звучать слишком тяжело.

— Странно, — вдруг сказала Ася. — Мы сидим тут, пытаемся понять, почему наши дни не совпадают, а оказалось, что у нас обоих дни и так давно не совпадали с теми, кто нас растил.

Марк улыбнулся — не весело, а как будто нашёл что-то важное.

— Может, поэтому мы и встретились здесь, — предположил он. — Потому что оба живём не по расписанию.

В этот момент к столику подошла Марина. Она не спрашивала, нужно ли что-то ещё, просто поставила на стол тарелку с двумя кусками яблочного пирога — тёплыми, с корицей, от которых сразу становилось чуть светлее на душе.

— Это не по меню, — сказала она, чуть склонив голову. — Просто иногда людям нужно не кофе, а чтобы кто-то молча положил перед ними пирог.

И ушла, оставив их наедине с этим маленьким жестом, который почему-то значил больше, чем любые объяснения.

Ася взяла вилку, попробовала. Пирог был простой, но вкусный — такой, какой пекут не для гостей, а для своих.

— Знаешь, — сказала она, глядя на Марка, — я рада, что ты помнишь меня в той пятнице. Даже если это невозможно. Потому что в тот день мне было очень одиноко. И если где-то есть человек, который видел меня и не прошёл мимо — пусть даже это был ты из другого дня — мне от этого легче.

Марк посмотрел на неё долго и внимательно, будто запоминал не черты лица, а именно это чувство — когда ты не

один, даже если ваши дни не совпадают.

— Я тоже рад, — просто ответил он. — И знаешь, может, нам не нужно всё это расписывать в тетради. Может, достаточно просто помнить друг о друге. Даже если наши дни будут расходиться.

Ася кивнула. И впервые за эти дни ей показалось, что странная магия кофейни — это не про сдвинутые дни и не про часы, которые идут по-разному. Это про то, что иногда встречаются люди, которые умеют слышать друг друга, даже когда весь мир говорит на разных языках.

Глава 4. «Когда прошлое тянет дни в разные стороны»

После разговора про отца Асе казалось, что воздух в «Чашке» стал плотнее, будто прошлое, которое она оставила за спиной, вдруг потянулось к ней и начало тянуть дни в разные стороны. Она пришла чуть раньше обычного, села за столик № 7 и поймала себя на том, что смотрит не на дверь, а на часы над кассой — те самые, что всегда показывали что-то своё.

Сегодня они будто спорили друг с другом: одни спешили, другие отставали. Ася нахмурилась. Раньше она замечала разницу в несколько минут, не больше. А сейчас стрелки словно пытались разойтись, как два человека, которым стало тесно стоять рядом.

Марк вошёл, и на секунду ей захотелось всё это спрятать — сделать вид, что она просто ждёт кофе, что её ничего не тревожит. Но он сразу заметил. Не по словам, а по тому, как она сидела — будто пыталась удержать себя на месте.

— Ты какая-то… натянутая, — сказал он, садясь напротив. — Будто боишься, что если пошевелишься, всё рассыплется.

Ася невесело усмехнулась.

— Просто часы сегодня странные. Смотри. — Она кивну-

ла на стену. — Они будто… ссорятся.

Марк посмотрел, прищурился, потом достал телефон и сверил время.

— У меня 15:18, — сказал он. — А эти, — он показал на одни из часов, — показывают 15:32. А те — вообще 15:07. Раньше разница была аккуратная, как будто кто-то специально её рассчитал. А сейчас — хаос.

Ася сжала пальцы вокруг чашки.

— Знаешь, я сегодня утром думала про отца, — призналась она. — Про тот разговор. Про ультиматум. И чем больше думала, тем сильнее казалось, что город вокруг меня становится каким-то… чужим. Как будто я в нём не живу, а просто прохожу мимо.

Марк не стал говорить «не думай об этом» или «всё наладится». Он просто кивнул, будто услышал не слова, а звук, который стоял за ними.

— Может, это и есть ключ, — тихо сказал он. — Не магия, не случайность… а то, что сдвиг усиливается, когда ты сильнее всего хочешь быть в одном дне — и одновременно не можешь. Когда прошлое и настоящее тянут тебя в разные стороны.

Ася посмотрела на него с недоверием, смешанным с надеждой.

— То есть ты хочешь сказать, что это я всё это делаю? — спросила она, голос чуть дрогнул. — Что это из-за меня дни расходятся?

— Не «делаешь», — мягко поправил Марк. — Ты не включаешь это специально. Но, может, ты — точка, где это происходит. Как будто твои чувства создают трещину, через которую дни начинают разъезжаться.

Она хотела возразить, но слова застряли. Потому что в этом было слишком много правды. Каждый раз, когда она вспоминала отца, ей казалось, что мир чуть-чуть сдвигается — не физически, а внутри неё.

В этот момент к столику подошла Марина. Она не стала ничего спрашивать, просто молча переставила чашки чуть ближе друг к другу — будто хотела, чтобы между Асей и Марком было меньше пустоты.

— Иногда, — сказала она тихо, — дни расходятся не потому, что время сломалось. А потому, что человеку больно быть в одном дне, когда его тянет в другой. И время… просто даёт ему немного места, чтобы дышать.

Ася подняла на неё глаза.

— Вы это знаете наверняка? — спросила она почти шёпотом.

Марина чуть наклонила голову, будто взвешивала, сколько можно сказать.

— Знаю, что люди приходят сюда, когда им некуда идти, — ответила она. — И остаются, когда находят того, кто слышит их тишину. Остальное — каждый понимает по-своему.

И ушла, оставив после себя запах корицы и ощущение, что она сказала больше, чем прозвучало вслух.

Когда Марина скрылась за стойкой, Марк достал тетрадь, но не стал писать про часы. Вместо этого он записал одну фразу: «Сдвиг усиливается, когда Ася думает об отце. Не факт, но закономерность».

— Давай проверим, — предложил он, глядя на Асю. — Не как эксперимент, а как способ понять. Если ты сейчас попробуешь не думать об этом — ну, хотя бы на пять минут — и мы снова посмотрим на часы… Может, они начнут сходиться.

Ася хотела сказать, что не умеет «не думать», но вместо этого кивнула.

— Ладно, — выдохнула она. — Пять минут. Но только если ты расскажешь мне что-нибудь совсем не про время. Про что угодно. Про студию. Про музыку. Про то, как ты научился слышать тишину.

Марк улыбнулся — впервые за день по-настоящему.

— Про студию, — согласился он. — Там всё наоборот: мы пытаемся поймать шум, чтобы сделать из него музыку. И иногда самый важный звук — это тот, который никто не слышит. Тот, что прячется между словами.

Он начал рассказывать про свою студию: про старые микрофоны, про то, как звук отражается от стен, про тишину между нотами, которая иногда важнее самой мелодии. Ася слушала и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает — не исчезает, но становится тише, как шум города за окном, когда закрываешь створку.

Они просидели так минут десять, может, больше. Ася почти забыла про часы — пока Марк вдруг не замер на полуслове и не посмотрел на стену.

— Смотри, — прошептал он.

Ася обернулась.

Стрелки на часах всё ещё не совпадали, но уже не разбегались так отчаянно. Те, что спешили, будто притормозили. Те, что отставали, чуть подтянулись. Разница стала аккуратной, почти вежливой — как будто часы вспомнили, что должны держаться вместе.

— Получается, — тихо сказала Ася, — когда я перестаю тянуть в разные стороны, дни тоже перестают разбегаться.

— Или, — мягко добавил Марк, — они разбегаются меньше, когда ты не одна. Когда кто-то сидит напротив и рассказывает про тишину между нотами.

Ася посмотрела на него и вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не хочется никуда убегать. Даже от собственных мыслей.

— Спасибо, — сказала она просто. — За то, что не стал делать вид, что ничего не происходит. И за то, что рассказал про тишину.

Марк пожал плечами, но в глазах у него было что-то похожее на гордость.

— Это ведь и есть работа, — сказал он. — Слышать, когда человеку нужно, чтобы его услышали. Даже если он сам ещё не знает, что хочет говорить.

Они посидели ещё немного, допили остывший кофе, и Ася вдруг почувствовала, что этот день, каким бы странным он ни был, стал её днём. Не отцовским расписанием, не чужим ожиданием, а её собственным — с дождём, с часами, которые спорят, и с парнем, который умеет слышать тишину.

Когда они вышли на улицу, дождь почти закончился. Остались только капли на карнизах, которые падали редко и звонко, будто отсчитывали не секунды, а важные моменты.

— Завтра снова сюда? — спросил Марк, застёгивая куртку.

Ася кивнула, и в этом кивке не было ни страха, ни сомнений — только спокойное «да».

— Да, — сказала она. — Но завтра я расскажу тебе про одну книгу, которую читала в детстве. Про ту, которую отец терпеть не мог. Пусть этот день будет про что-то хорошее.

Марк улыбнулся.

— Договорились. А я расскажу тебе, как однажды мы записали звук падающего листа. Это была самая тихая песня, которую я когда-либо слышал.

И они пошли по мокрому тротуару, оставляя за собой день, который чуть не развалился на части — но всё-таки остался целым.

Глава 5. «Песня падающего листа»

День будто решил подыграть: солнце пробивалось сквозь облака тонкими золотыми нитями, и даже лужи на тротуарах блестели не уныло, а как-то празднично. Ася шла рядом с Марком, и впервые за долгое время ей не хотелось проверять телефон, не хотелось думать о письмах от издательства, не хотелось оглядываться в поисках того самого расписания, по которому её учили жить.

— Ты точно уверена, что хочешь туда? — спросил Марк, когда они свернули в тихий переулок, где старые дома стояли плечом к плечу, будто берегли друг друга от ветра. — Студия — это не кофейня. Там нет пирогов и уютных столиков. Там пыль, провода и звук, который иногда пугает даже меня.

Ася улыбнулась — легко, без напряжения:

— Если меня испугает какой-то звук, я просто скажу «стоп». А если не испугает… может, я наконец услышу что-то своё.

Марк кивнул, будто это было именно то, что он хотел услышать.

Студия оказалась в полуподвале старого дома — с толстыми стенами и маленьким окошком под потолком, через которое свет падал ровно, как луч прожектора. Внутри пахло деревом, лаком и чем-то ещё — терпким, почти металлическим, как запах старых катушек с плёнкой. По стенам висели

микрофоны на стойках, похожие на молчаливых стражей. В углу стоял стол с пультом, кнопки и ручки на котором выглядели так, будто ими можно управлять не только звуком, но и временем.

— Это не музей, — поспешно сказал Марк, заметив, как Ася оглядывается. — Просто я люблю старые вещи. Они помнят, как звучал мир до всех этих цифровых шумов.

Она подошла к одному из микрофонов — большому, с металлической сеткой, который смотрел на комнату, как внимательный собеседник.

— И что мы будем слушать? — спросила она, стараясь не выдать, как ей здесь нравится: тихо, серьёзно и в то же время — свободно.

— То, что почти никто не слышит, — ответил Марк. — Помнишь, я говорил про песню падающего листа? Сейчас покажу.

Он достал из шкафа небольшую коробку, открыл её и бережно вынул катушку с лентой.

— Я записал это осенью, в парке за городом. Там почти не было людей. Только ветер, скамейки и листья. Я поставил микрофон прямо на землю, накрыл его тканью, чтобы не было лишнего шума, и просто ждал. И вот…

Он вставил катушку в старый магнитофон, щёлкнул переключателем — и комната наполнилась тишиной, в которой вдруг стало слышно, как живёт пространство: лёгкий скрип дерева, далёкий голос ветра, шорох, похожий на дыхание.

Ася закрыла глаза. И тогда пришёл он — звук падающего листа. Не громкий, не драматичный, не такой, каким его рисуют в фильмах. Просто крошечный, почти незаметный удар, за которым тянулся тихий, едва уловимый след — будто лист не просто упал, а прошептал что-то перед тем, как лечь на землю.

Этот звук был таким маленьким, что в другом месте его бы не заметили. Но здесь, в этой комнате, он стал огромным — как целая история, рассказанная без слов.

Ася почувствовала, как внутри что-то тихо щёлкнуло — не как в сломанном механизме, а как в часах, которые наконец-то начали идти правильно.

— Вот, — тихо сказал Марк, не выключая магнитофон. — Это и есть песня. Не про листья. Про то, как мир разрешает себе быть тихим. И как тишина может быть музыкой.

Ася открыла глаза и посмотрела на него. В его взгляде не было ни гордости, ни желания её удивить — только надежда, что она услышит то, что слышит он.

— Знаешь, — сказала она тихо, — мой отец всегда говорил, что хорошая история должна быть громкой. Чтобы все оборачивались. Чтобы было много событий, много поворотов, много… шума. А я всегда думала, что хорошая история может быть тихой. Просто про то, как кто-то сидит у окна и ждёт. Или как лист падает на землю.

Марк улыбнулся — не широко, а так, будто её слова легли рядом с его собственными и встали на своё место.

— Значит, мы с тобой слышим одно и то же, — сказал он. — Просто разными ушами.

Он подошёл к пульту, покрутил одну из ручек, и звук листа стал чуть ближе, будто лист упал не где-то в парке, а прямо здесь, между ними.

— Хочешь, попробуем записать что-нибудь своё? — спросил он. — Не обязательно музыку. Просто звук, который тебе нравится. Стук чашки. Твой голос, когда ты говоришь «привет». Что угодно.

Ася на секунду задумалась. Потом подошла к столу, взяла маленькую деревянную коробочку, которую заметила раньше, и щёлкнула крышкой — раз, потом ещё раз, чуть медленнее.

— Вот этот звук, — сказала она. — Он простой. Но мне нравится, как он звучит. Как будто кто-то подаёт сигнал: «Я здесь. Я не пропал».

Марк кивнул и подвёл микрофон ближе.

— Тогда давай запишем, — сказал он спокойно. — И пусть этот звук будет твоим. Не отцовским, не чужим, не из расписания. Твоим собственным.

И когда щелчок коробочки лёг на ленту, Ася вдруг поняла: ей не нужно выбирать между «правильным» миром и своим. Ей не нужно доказывать, что её тишина — это тоже история. Достаточно просто щёлкнуть крышкой и услышать, как этот звук занимает своё место в мире.

Они посидели ещё немного, слушая, как на плёнке живут

их маленькие звуки: щелчок, дыхание, тихий смех, когда Ася попробовала постучать по столу разными пальцами и получилось что-то похожее на ритм. Марк записывал всё подряд, не исправляя, не отбирая — просто позволяя дню звучать так, как он хочет.

Когда катушка закончилась, Марк выключил магнитофон, и в комнате снова наступила тишина — но теперь она была другой. Не пустой. А наполненной.

— Спасибо, — сказала Ася, глядя не на магнитофон, а на Марка. — За то, что показал мне, как можно слышать мир. И за то, что не пытался сделать из этого большую драму.

— А я благодарен тебе, — ответил он, — за то, что ты не сказала «это ерунда». Ты услышала в этом что-то важное.

На улице их ждал город — такой же, как и раньше: с автобусами, витринами, спешащими людьми. Но для Аси он вдруг стал чуть тише и чуть добрее — как будто теперь она знала, что среди всего этого шума всегда можно найти свой маленький звук.

— Завтра снова в «Чашку»? — спросил Марк, застёгивая куртку.

Ася кивнула, и в этом движении не было ни сомнений, ни страха — только спокойное, тёплое «да».

— Да, — сказала она. — Но теперь я хочу рассказать тебе про ту самую книгу из детства. Ту, которую отец терпеть не мог. Думаю, она тоже звучит как маленькая песня.

Марк улыбнулся и пошёл рядом, не торопясь, будто тоже

хотел, чтобы этот день длился чуть дольше.

Глава 6. «Латте по особому рецепту»

На следующий день дождь наконец сдался окончательно: небо стало светло-серым, почти прозрачным, а город будто выдохнул и теперь просто жил, без спешки и надрыва. Ася шла к «Чашке» и впервые не думала: «А вдруг всё окажется неправдой? А вдруг Марк скажет, что вчера в студии ему просто показалось?» Она думала про молоко, про пенку и про то, как здорово, когда можно просто сварить кофе — и этого будет достаточно.

Марк уже ждал у двери, прислонившись к косяку, и улыбался не широко, а так, будто ему приятно просто стоять тут и знать, что она придёт.

— Сегодня мы не будем ничего расследовать, — сразу сказала Ася, подходя ближе. — Никаких списков несовпадений. Никаких теорий про часы. Сегодня мы будем варить латте. По особому рецепту.

Марк приподнял бровь:

— А есть такой?

— Теперь есть, — уверенно ответила Ася. — Рецепт дня: один спокойный человек, один умелый бариста, одна кофейня, где время умеет быть добрым, и немного молока, которое вспенится ровно так, как надо.

Он рассмеялся — легко, без напряжения, и этот смех лёг на день, как тёплый шарф.

— Тогда идём договариваться с Мариной, — сказал он. — Потому что бариста тут она. И, подозреваю, без её благословения ни один латте не станет «особым».

Марина стояла за стойкой и протирала чашки полотенцем — не торопясь, будто каждая чашка заслуживала отдельного разговора. Когда она увидела их, в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Решили заняться делом? — спросила она спокойно. — Или просто хотите спрятаться от мира за стойкой?

— И то, и другое, — честно призналась Ася. — Но ещё мы хотим сварить латте. Не обычный. А такой, чтобы в нём было слышно, как день становится своим.

Марина чуть наклонила голову, будто взвешивала эту просьбу, потом кивнула:

— Ладно. Но варить будете сами. Я только подскажу. Потому что хороший кофе — это не про руки. Это про то, что ты в него вкладываешь.

Она дала им фартук, показала, где стоит кофемашина, где хранится зерно, где прячется питчер для молока. И отошла в сторону — не далеко, а ровно настолько, чтобы видеть, но не мешать.

Ася взяла зерно и вдохнула этот запах — густой, чуть горьковатый, обещающий, что день начнётся правильно.

— Ты уверена, что хочешь этим заниматься? — тихо

спросил Марк. — Это не так просто, как кажется.

— Именно поэтому, — улыбнулась она. — Когда что-то кажется простым, а потом оказывается сложным — и ты всё равно справляешься, это значит, что ты можешь строить свой день. Даже по маленьким кусочкам.

Они начали с помола. Марк показал, как настраивать жернова, чтобы помол был ровным, не слишком мелким и не слишком крупным — как будто искал ту самую середину, где зерно раскрывается, но не теряется. Потом он взялся за эспрессо: прогреть холдер, насыпать ровно столько, сколько нужно, утрамбовать — не сильно, но уверенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.